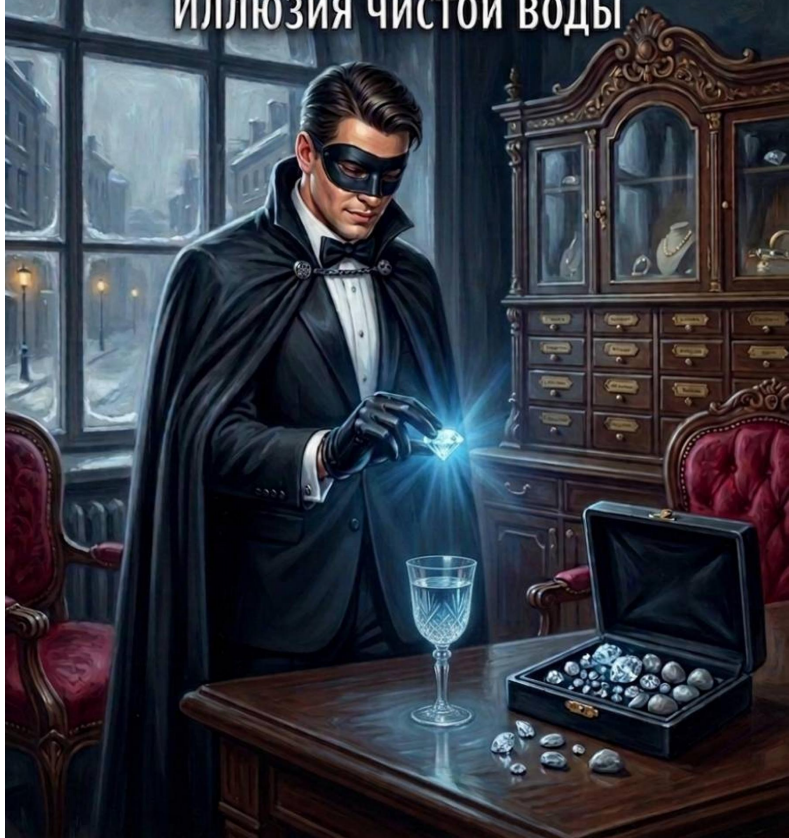

Юлиан Ворон

ЧЁРНЫЙ ВАЛЕТ

Иллюзия чистой воды

Юлиан Ворон
Чёрный Валет.
Иллюзия чистой воды
Серия «Граф Огневский:
Эстетика правосудия», книга 2

*<https://litres.ru/73912464>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Санкт-Петербург, 1913 год. За фасадами роскошных особняков и витринами дорогих салонов скрываются пороки, до которых никогда не дотянется официальное правосудие. Но там, где бессилён закон, в игру вступает он — неуловимый «Чёрный Валет».

Блестящий аристократ граф Валериан Огневский презирает столичную скуку. Его лекарство — изящные и дерзкие кражи, бросающие вызов самым влиятельным и беспринципным дельцам империи. Для него ограбление — это высокое искусство, а наказание подлецов — вопрос чести.

Во втором деле цикла джентльмену-грабителю предстоит столкнуться с противником, чья алчность и наглость не знают границ. Чтобы восстановить баланс, Огневскому придется сплести паутину из виртуозных иллюзий и светских интриг.

Но что произойдет, когда охотник сам окажется под прицелом безжалостных наемников петербургского дна?

Ставки высоки, а туман над Невой готов скрыть любые следы. Истинное правосудие опирается не на уголовный кодекс. Оно опирается на безупречный вкус!

Содержание

Глава 1. Фальшивая нота	5
Глава 2. Господин из Парижа	10
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Юлиан Ворон

Чёрный Валет.

Иллюзия чистой воды

Глава 1. Фальшивая нота

Осеннее солнце, с трудом пробившееся сквозь петербургскую хмарь, робко заглянуло в окна особняка на Английской набережной. В элегантном будуаре баронессы Анетты фон Корс пахло горячим шоколадом, дорогим парфюмом и свежим скандалом.

Граф Валериан Огневский сидел в кресле, закинув ногу на ногу, и с меланхоличным видом рассматривал через ювелирную лупу предмет, который баронесса с гордостью выложила на бархатный столик. Это было бриллиантовое кольцо. Камни сверкали так ярко, что ими можно было освещать Дворцовую площадь в безлунную ночь.

— Ну же, Валериан, не томите! — Анетта нетерпеливо постукала веером по подлокотнику. — Ермолай Колязин клялся здоровьем своей покойной матушки, что эти якутские алмазы — чистойшей воды. Я отдала за них сумму, на которую можно было бы купить небольшой крейсер для Балтийского флота!

Огневский вздохнул, аккуратно положил колье на бархат и убрал лупу в карман безупречного твидового пиджака.

— Ваша светлость, — произнес он с интонацией священника, сообщающего о конце света. — Боюсь, покойная ма-тушка господина Колязина сейчас вертится в гробу со скоростью динамо-машины.

Анетта нахмурила идеальные брови.

— Что вы хотите сказать?

— Я хочу сказать, — граф откинулся на спинку кресла и сплел пальцы, — что если вода в этих бриллиантах чистая, то река Фонтанка наполнена французским шампанским. Из тридцати камней в вашей роскошной парюре ровно пятнадцать — это великолепное, мастерски ограненное богемское стекло.

Баронесса замерла. В её красивых глазах сначала мелькнуло недоверие, затем — осознание, а после — чисто женская, разрушительная ярость.

— Стекло?! — выдохнула она, и её голос дрогнул. — Этот плебей... этот торговец самоварами подсунил мне стекляшки?! Да я его уничтожу! Я немедленно еду к градоначальнику! Я отправлю его на каторгу!

Огневский примирительно поднял руку:

— Анетта, умоляю, поберегите нервы. Представьте себе заголовки в «Петербургском листке»: *«Баронесса фон Корс, известная светская львица, не отличила стекло от бриллиантов»*. Весь императорский яхт-клуб будет смеяться до ко-

лик. К тому же, Колязин вывернется. Он скажет, что вы сами подменили камни или что это сделала ваша горничная. У него связи в полиции толще, чем стены в Петропавловской крепости.

Анетта бессильно опустила в кресло, злобно теребя верев.

— И что вы предлагаете? Оставить ему мои деньги и проглотить обиду?

— Проглотить обиду — это вредно для пищеварения, — философски заметил Валериан. — А оставлять деньги хамам — против моих эстетических принципов. Колязин, очевидно, практикует этот фокус давно. Он перемешивает настоящие камни с фальшивками, зная, что аристократы слишком горды, чтобы ходить по ломбардам с лупой. Это гениальная наглость.

В глазах графа вспыхнул тот самый озорной, хищный блеск, который появлялся каждый раз, когда скука уступала место азарту. Он обернулся к дверям будуара и негромко позвал:

— Митяй!

Дверь мгновенно приоткрылась. В щель просунулась вихрастая голова камердинера. Митяй, как всегда, материализовался из ниоткуда, словно только и ждал сигнала.

— Звали, ваше сиятельство?

— Звал, друг мой. Скажите, ваш французский акцент всё еще напоминает смесь нижегородского диалекта с мяука-

ньем простуженного кота?

Митяй обиженно шмыгнул носом.

— Зря вы так, Валериан Андреич. Я давеча с одним настоящим мосье на Сенной в картишки играл, так он сказал, что у меня прононс — чисто парижский бульвар. Правда, он был пьян в стельку, но всё же!

— Прекрасно, — Огневский встал и поправил галстук. — Значит, вы будете изображать моего немого телохранителя. Немота скроет ваши лингвистические огрехи, а ваш свирепый вид с лихвой компенсирует отсутствие манер.

Анетта, забыв о своем горе, с интересом посмотрела на графа.

— Вы задумали шалость, Валериан?

— Я задумал урок изящных искусств, моя дорогая, — Огневский подошел к столику и нежно погладил фальшивое кольцо. — Господин Колязин очень любит обманывать доверчивых покупателей. Что ж, посмотрим, как ему понравится, когда обманут его самого. Митяй! Подготовьте мой светло-серый костюм в крупную клетку, трость с золотым набалдашником и тот невыносимый шелковый цилиндр. Завтра утром к господину ювелиру пожалует месье Гастон Делакура, эксцентричный миллионер из Парижа, страдающий от избытка капиталов и недостатка вкуса.

Граф галантно поклонился баронессе.

— Не извольте беспокоиться, Анетта. Я гарантирую вам: к завтрашнему вечеру этот пройдоха будет мечтать о том,

чтобы его действительно посадили в Петропавловку. Потому что встреча с «Чёрным Валетом» обходится гораздо дороже услуг любого адвоката.

Глава 2. Господин из Парижа

Ювелирный салон Ермолая Колязина на Большой Морской улице напоминал храм, где божеством выступал золотой телец. Витрины из толстого зеркального стекла сияли в свете электрических ламп, на бархатных подушечках покоились диадемы и перстни, а приказчики передвигались по залу с такой благоговейной тишиной, словно малейший шорох мог оскорбить нежные чувства бриллиантов.

Сам Ермолай Колязин — лысеющий господин с брюшком, ухоженной эспаньолкой и глазами навывкате — стоял у главной витрины и распекал младшего приказчика за пылинку на стекле.

Внезапно мелодичный перезвон колокольчика над входной дверью был заглушен властным, не терпящим возражений голосом:

— *C'est un scandale!* Какая грязь на ваших улицах! Жан, отряхни мне пальто немедленно!

Колязин обернулся и замер. Подобных клиентов его салон не видел давно.

На пороге стоял высокий, невероятно худой господин в светло-сером костюме в крупную английскую клетку. На его голове немислимым образом держался шелковый цилиндр, в правом глазу сверкал монокль на золотой цепочке, а в руках он вертел трость с массивным набалдашником. От гос-

подина исходила аура таких колоссальных и таких легкомысленных денег, что у ювелира перехватило дыхание.

Но еще больше впечатлял спутник господина. За спиной эксцентричного иностранца возвышался детина с квадратной челюстью, одетый в темный сюртук, который трещал на его бицепсах. Детина угрюмо молчал, но его взгляд обещал сломать шею любому, кто приблизится к его хозяину ближе чем на три шага.

— *Où est le patron?* Где есть хозяин этой лавки? — громко, с сильным французским прононсом спросил господин в клетчатом, брезгливо оглядывая приказчиков. — Мне говорили, что здесь можно купить камни, а я вижу только бижутерию для провинциальных купеческих жен!

Колязин, забыв о пылинке, ринулся навстречу, на ходу складываясь пополам.

— Ермолай Колязин, к вашим услугам-с! Владелец сего скромного заведения! Чем могу служить вашей милости?

— Гастон Делакруа, — небрежно бросил «француз», даже не подумав подать руку. Он подошел к витрине и постучал по ней тростью. Детина по имени Жан (а в миру — Митяй Вьюн) встал у дверей, скрестив руки на груди и сверля приказчиков таким свирепым взглядом, что те вжались в стену.

— Послушайте меня, *mon cher* Ермолай, — Огневский изящно оперся на трость. — Через неделю моя *fiancée*, несравненная прима парижской оперы, дает концерт в вашем Мариинском театре. Я хочу бросить к её ногам Петербург.

А поскольку Петербург слишком сырой и грязный, я решил бросить к её ногам бриллианты. Много бриллиантов. Мне нужны чистые камни. Без оправы. Их общий вес должен составлять ровно сто пятьдесят каратов. Ни больше, ни меньше. Я люблю точность. На сумму... скажем, двести тысяч рублей. Для начала.

У Колязина вспотели ладони. Двести тысяч! Это была выручка салона за полгода. В голове ювелира мгновенно защелкали костяшки невидимых счетов. Иностранец, эксцентричный, жаждущий пустить пыль в глаза... Идеальная жертва для его фирменного «коктейля».

— Прощу вас, месье Делакура, пройдемте в мой личный кабинет! — засуетился Колязин, делая приглашающий жест. — Для такого взыскательного знатока я достану свои лучшие сокровища! Якутские алмазы, индийская огранка!

В кабинете, усадив дорогого гостя в кожаное кресло, Колязин с замиранием сердца извлек из сейфа плоскую бархатную шкатулку. Он открыл её перед графом. На черном фоне сияли три десятка крупных, великолепно ограненных камней.

— Взгляните, месье! — с придыханием произнес ювелир. — Чистая вода! Огонь и лёд!

Месье Делакура лениво достал из кармана черепаховое пенсне, сменил им монокль и склонился над шкатулкой. Митяй, стоявший за его креслом, громко и угрожающе хрустнул костяшками пальцев. Колязин нервно сглотнул.

— *Oui, oui...* — протянул Огневский, беря один из самых крупных камней двумя пальцами. — Игра света недурна. Но, *mon ami*, вы же знаете, как обманчив свет в этом пасмурном городе. Прикажите принести мне стакан чистой воды. И пинцет.

— Воды? — растерялся ювелир. — Желаете освежиться?

— Воды, болван! — рявкнул Делакруа так неожиданно по-русски, что Колязин подскочил. — Для камней!

Через минуту перепуганный приказчик внес на подносе хрустальный стакан с родниковой водой.

Граф взял пинцет, подцепил самый крупный «бриллиант», на который Колязин возлагал особые надежды, и с легкой улыбкой опустил его в стакан с водой.

— А теперь, господин ювелир, подойдите поближе. Смотрите внимательно, — ласково сказал Огневский.

Колязин склонился над стаканом.

Настоящий бриллиант, обладая высоким показателем преломления света, в воде продолжает сверкать и четко выделяется. Но камень, опущенный Делакруа, едва коснувшись дна, словно... растворился. Его контуры исчезли, слившись с жидкостью.

Это был старый как мир, но безотказный физический фокус. Свинцовое стекло, из которого делались лучшие фальшивки, имело почти тот же коэффициент преломления, что и вода.

В кабинете повисла звенящая, грозная тишина. Митяй

за спиной графа издал звук, похожий на рычание просыпающегося медведя.

— Магия! — всплеснул руками Делакруа, поворачиваясь к побледневшему ювелиру. — *C'est un miracle!* Я прошу бриллиант, а вы продаете мне кусок льда, который тает в воде! Вы волшебник, месье Ермолай? Или вы просто... *un escroc*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.